

Художник Е. Силина

Заводных дел мастер

Марина Ясинская

ФАНТАСТИКА

Эмма тихой тенью примостилась на подоконнике. Она проводила так уже не первый день. Не плакала, ни о чем не просила. Просто сидела молча, глядя на безымянное озеро.

«Ну и пусть, — размышлял Эрик, проходя мимо. — Пусть будет урок на будущее. Не станет в следующий раз лезть. Сам буду решать, кого стоит заводить, а кого нет».

Он отчасти хотел, чтобы его снова окутало марево гнева — ведь в таком состоянии куда легче найти оправдание своим поступкам. А на холодную голову это выходило не очень.

Черт, глупо получилось! И началось, как всегда, с полноватой ерунды.

Пару недель назад к ним домой зашел дядя Кеша, а Эрик отказался его заводить.

— Что толку? — возмущенно выговаривал он Эмме. — Дела его хуже некуда: в последнее время он приходит ко мне каждую неделю. Только идиот не поймет, что это плохой признак — когда завод так быстро кончается. Зачем мне тратить на него силы? Все равно он скоро совсем встанет. Да и платить ему нечем, ты же знаешь.

Эмма ничего не ответила, но то, что Эрик увидел в ее глазах, покорило его хуже любых слов. Эмма смотрела на него не с осуждением, не с досадой и даже не со злостью, с разочарованием. Это на него-то? На Эрика-мастера? Да она на него молиться должна! Как, впрочем, и все жители этого паршивого городка!..

Он очень рассердился тогда и в первый раз за всю их совместную жизнь не стал ее заводить. Решил проучить. И спокойно наблюдал, как она сначала перестала мурлыкать себе под нос, потом — улыбаться, потом — легко порхать по огромному дому. Эмма замедлялась, тускнела и вскоре уже ничем не походила на то солнечное чудо, от которого когда-то он был без ума. А несколько дней назад и вовсе замерла на широком подоконнике.

Злость, которую Эрик старательно звал, так и не пришла. Вместо нее неожиданно явилась совесть.

Как он мог так с Эммой поступить? Как он мог просто взять и не завести ее?

Эрик тихонько подошел к подоконнику. У Эммы не осталось завода даже на то, чтобы обернуться. Он нащупал висевший на длинной цепочке ключ, который никогда не снимал с шеи, — хранил, как и полагается хранить главное сокровище, у самого сердца. Ласково провел по рассыпающимся под его пальцами светлым волосам, нащупал крохотную скважину, спрятанную под мочкой правого уха. Приподнял тяжелую аметистовую капельку (он подарил ей эти серьги в день обручения, и она никогда их не снимала), осторожно вставил ключ, услышал едва слышный щелчок и начал медленно проворачивать инструмент по часовой стрелке.

Ему пришлось повернуть его целых одиннадцать раз. Одиннадцать. Вместо обычного пол-оборота...

Наконец Эрик почувствовал сопротивление невидимых пружинок, осторожно вынул ключ и отпустил нагретую его пальцами аметистовую капельку.

Он был готов к бурным слезам, к горьким упрекам и справедливым обвинениям. Но никак не к тому, что Эмма, легко спрыгнув с широкого подоконника, посмотрит на него с нежной грустью, чмокнет в щеку, тихо скажет: «Спасибо, милый» — и упорхнет куда-то в глубь дома.

Эрик тяжело опустился на подоконник, охватил голову руками и мрачно уставился на расстилающееся перед ним безымянное озеро, за край которого как раз начинали опускаться отливающие неземным светом планеты. Там, где Юпитер уже обмакнул край своего внешнего кольца в горизонт, вода окрасилась изнутри багряным закатным цветом.

Эрик вспомнил, как поразила его безмятежная красота этих мест, когда он сюда только переехал. Вспомнил, с каким удовольствием изучал городок и знакомился с местными жителями. Как проводил вместе с Эммой долгие вечера на этом самом подоконнике, любясь парадом планет над безымянным озером. Какой полной неторопливого очарования казалась жизнь. Как он был счастлив.

Был... Что, черт побери, с ним случилось?

Как это повелось еще со времен Адама, все началось с женщины. Со знакомства с Эммой. Повстречав ее, Эрик был без ума от счастья. Влюбился без памяти. В таком же дурмане бросил все и уехал с ней.

Он хмыкнул, вспомнив, как, проснувшись первый раз в ее доме, напрочь забыл, почему здесь оказался.

Все было непривычно. Над головой — низкий потолок, перечеркнутый крест-накрест толстыми балками грубо обструганного темного дерева. Два окна рядом, похожие на любопытные прямоугольники глаз. Кое-где добротная штукатурка облупилась, впрочем явно не по недосмотру, а по задумке дизайнера, и в проплешинах проглядывала крепкая кирпичная кладка. Под глазами-окнами, с интересом изучавшими Эрика, — такой же, как и балки, грубо обструганный стул. Рядом, на деревянном полу, крепко стянутая ржавыми обручами бадья. На стуле же стоял большой глиняный кувшин с водой и лежала его, Эрика, бритва «Жилетт», выглядевшая более чем неуместно в окружении такого антиквариата.

И вообще — обстановка никак не походила на привычные ему интерьеры современных квартир — с плоскими телевизорами, компьютерными столами, кожаной мебелью, футуристической живописью, книжными шкафами и пластиковыми окнами. Здесь же единственными украшениями комнаты были изогнутое коромысло, бадья и боль-

шой лакированный сундук ярко-красного дерева.

В то утро Эрик долго пытался сообразить, как и где он оказался. «Эмма», — наконец подсказала память. «Эмма?» — недоуменно повторил он про себя.

«Эмма!» Всего одно слово, но все стало на свои места!

Любовь все-таки крепче алкоголя. Хмель выветривается под утро, а любовь не отпускает куда дальше. Тут такого наворотишь, что, придя в себя, долго еще будешь расхлебывать последствия. Похоже, Эрику именно это и предстояло.

— Эрик! — раздался женский голос откуда-то издалека. Судя по аппетитному шкворчанию, из кухни. — Эрик, вставай и иди завтракать. Продавец крыльев собирался заглянуть к нам до полудня.

«Продавец крыльев. Ага. Само собой... Вот так и сходят с ума!»

В кухню Эрик направился неуверенно и неохотно. Во-первых, он не знал, где она находится. Во-вторых, был исполнен самых мрачных предчувствий. Например: влюбился как-то один приятель без памяти. Заявил, что нашел свой идеал, в угаре страстей женился, прожил с женщиной своей мечты полгода, а однажды утром проснулся, посмотрел на нее и... Любовное похмелье, к сожалению, посильнее алкогольного: на всю жизнь пить любить заречешься.

Кухню Эрик все-таки отыскал. Вдохнул поглубже — будь что будет!

А вошел — и напрочь забыл, что надо бы выдохнуть. Перед ним было то самое чудо, ради которого он и совершил это безумие с переездом черт знает куда.

— С добрым утром. Садись завтракать, — улыбаясь, сказала Эмма, и Эрик застыл на пороге. Потом помотал головой — он-то, дурак, решил, что дурман рассеялся. Снова посмотрел на Эмму. Она легко порхала по кухне, поправляла ароматные пучки каких-то трав, подвешенные к низким необструганным балкам потолка, ворошила угли в очаге и что-то тихо мурлыкала себе под нос. Онемевший Эрик сдвинулся-таки с места, уселся за грубый деревянный стол у жаркого камина и вдруг понял, что оказался у себя дома.

Когда-то Эрик был без ума от городка.

Они с Эммой жили в огромном доме, похожем на старинный замок — темном, с многочисленными башенками и высокими окнами, выходившими прямо на безымянное озеро. По ночам, сидя на подоконнике, в одиночку или с Эммой в обнимку, он наблюдал, как разливается озеро до самого горизонта; как кто-то медленно макает в него край огромной Луны и по темной воде расходятся странные круги — потому странные, что вскоре они принимали форму квадратов. Днем солнце плавало золотистой льдинкой в прозрачной воде, а редкими светлыми ночами можно было разглядеть притулившуюся на горизонте мельницу. Местные жители — смешные ребята — верили, что она стоит на краю света и перемалывает сначала день, потом ночь, а за ней — следующий день и следующую ночь, и так до бесконечности.

А любимым развлечением людей, населявших городок, было шоу аэростатов. Ярким ли солнечным днем, сероватым ли хмурым вечером, а то и тихой лунной ночью люди приставляли грубые деревянные стремянки к облакам, взбирались на самый верх и оттуда наблюдали за

парадом ярких воздушных шаров. Эрик не пропускал ни одного представления.

Секрет местных жителей Эрик узнал случайно.

У северной стороны городка, сразу за мощеной булыжником площадью, начинался густой парк, заброшенный и одичавший. Горожане обходили его стороной, повинуясь дремучим суевериям или местной легенде.

Но Эрик, наплевав на старинные запреты, решительно сунулся в некогда ухоженные заросли и обнаружил, что в чаще пряталась строгая чугунная ограда. По углам — четыре огромные колонны. Некогда белоснежные, а теперь посеревшие, кое-где облупившиеся, с капителями, лепнина которых затянута паутиной. Они казались останками строгого древнегреческого храма.

За оградой, примерно в метре от земли, висел или, похоже, важно покоился на воздушной подушке огромный каменный циферблат. Как и колонны, он утратил свою белизну так давно, что при мысли об этом Эрика пробрала дрожь. Лаконичные римские цифры, острые стрелки, тонкая черная окантовка... Впечатление неизбежности: возле таких часов чувствуешь себя несовершенным, хрупким, недолговечным.

Часы стояли. Повинуясь непонятному порыву, Эрик решительно перелез через решетку и обошел часы вокруг. С обратной стороны парящего циферблата торчал огромный ключ. Не долго думая, Эрик ухватился за него обеими руками и начал поворачивать. И едва он завершил первый оборот, как встрепенулись дремавшие механизмы, завертелись шестеренки, заскрипели пружины, с тихим щелчком сдвинулась с места и начала свой неустанный обход минутная стрелка.

И Эрик все понял, узнал главную тайну местных жителей. У них у всех был механический завод.

Раньше Эрик и понятия не имел о том, что такие «заводные» люди существуют на свете. Но, понаблюдав за горожанами, вскоре понял, что они и сами этого не знают. Они вели самую обычную жизнь, к чему-то стремились, в чем-то разочаровывались, но замедлялись, когда кончался завод, и снова начинали жить, когда силою случайных обстоятельств что-то или кто-то заводил их снова.

Горожане понятия не имели, что у каждого из них есть крохотная замочная скважина с ключиком, который стоит только немного повернуть — и жизнь словно начинается заново: опять появляются силы, стремления, желания и мечты.

Перво-наперво Эрик отыскал замочную скважину у Эммы. Ничто не доставляло ему большей радости, чем начинать каждое утро с того, чтобы ключиком добавлять пол-оборота. После этого Эмма, и без того легкая и безмятежная, начинала лучиться радостью.

Она долго допытывалась у него, как ему удается делать ее такой счастливой. Когда же Эрик наконец рассказал ей про крохотную замочную скважинку под мочкой ее правого уха, она потянулась туда рукой и изумленно заявила, что, да, нащупала. А потом сделала совсем уж неожиданный: вынула ключик и недогнущей рукой протянула его Эрику. «Держи, милый, пусть он всегда будет у тебя».

Вскоре Эрик научился отыскивать замочные скважинки и у горожан. Нарочно бродил по путаным улочкам в поис-

ках замедленных, будто потухших, людей, подходил к ним, участливо беседовал, а сам тем временем отыскивал крохотный ключик и не спеша проворачивал его по часовой стрелке.

О чудесах, которые он творит, вскоре прознал весь городок. Как только люди чувствовали, что угасают, теряют интерес к жизни и перестают к чему-то стремиться, они сразу спешили в большой дом с остроконечными башенками, расположенный на берегу безымянного озера.

А Эрик с удовольствием поворачивал ключики — ведь ему это ничего не стоило, зато приятно было видеть, как словно заново рождаются приходящие к нему люди.

Горожане выражали свою благодарность просто и искренне. Эрик поначалу смущенно отказывался от банок с розовым вареньем, румяных пряников, ярких мотков шерсти, лоскутных покрывал, расписных глиняных мисочек и резных скамеечек. Но со временем привык, стал принимать как должное. Потом стал требовать благодарность вперед, все больше жалея, что в этом странном городке нет денег — ни долларов, ни евро, ни даже золотых монет. Что бы он с ними делал, Эрик не думал. Ведь просто получать что-нибудь, по возможности ценное, взамен такой малости, как пара поворотов ключом. Да, в этом что-то было.

Заводных дел мастер вошел во вкус.

Комплекс Бога формировался постепенно, с каждым новым заводом, с очередным благодарным подношением, с надеждой во взглядах пришедших горожан. Да и не комплекс это был вовсе. Ведь и продавец крыльев, и старый столяр дядя Кеша, и смотритель хищного парка, и даже ненаглядная Эмма — все они всего лишь заводные игрушки, которые живут полноценной жизнью только тогда, когда Эрик провернет ключик в их замочной скважинке. Поэтому теперь Эрик взирал на них, заводных, с легким презрением. И правильно: ведь он, в отличие от них, полноценный человек.

Как-то Эмма разбудила его рано поутру. Эрик лениво подумал, что так и не заводил ее ни разу с той ночи, когда она безмолвной статуей сидела на подоконнике. Впрочем, она же пока еще не замерла. Значит, ничего, и так сойдет.

— Тебя внизу ждет продавец крыльев, — сообщила Эмма, усаживаясь на край кровати. — Он еле-еле дошел. Того и гляди, совсем станет.

— Чего же он тогда так долго тянул? — буркнул Эрик. Он не любил просыпаться с рассветом. Эмма отвела глаза. Эрику это крайне не понравилось. — Ну? В чем дело?

— Они не хотят тебя лишней раз беспокоить.

— Что это значит? Почему?

Теперь Эмма посмотрела прямо в глаза:

— Потому что ты очень изменился.

— Это как? — саркастически осведомился Эрик.

— Раньше тебе просто нравилось их заводить. Ты делал это ради них самих. А теперь у тебя появилось ощущение власти над ними, и ты ведешь себя совсем по-другому. Такое обращение им неприятно.

— Ну, раз неприятно, пусть и не приходят!

На глаза Эммы навернулись слезы. Это окончательно возмутило Эрика.

— А что такого? Имею полное право. Если бы не я, в

ФАНТАСТИКА

вашем городишке давно бы уже бродили зомби на остатках завода.

— Мы раньше без тебя как-то справлялись, — тихо сказала Эмма.

— Ах справлялись? Ну так давайте! Вперед! Зачем же тогда у меня под дверью в очередь выстраиваться?

Эмма смолкла. Но ненадолго:

— Ты мог сделать нашу жизнь лучше, и без усилий. Почему это тебя испортило? Почему ты стал такой?

— Да потому, что вы всего лишь заводные игрушки, а я — нет. Я — настоящий человек. Не какая-то механическая кукла. Я не завишу от дурацких поворотов ключа в замочной скважине! Ясно?

Эмма взгляделась в его лицо. Грустно вздохнула и протянула раскрытую ладонь.

— Дай мне, пожалуйста, мой ключик.

Эрик яростно сорвал с шеи цепочку, бросил Эмме в лицо.

— На! Все равно ты не можешь сама себя заводить! Не пройдет и двух месяцев, как ты навсегда остановишься. И знаешь что? Мне наплевать. Ведь я — нормальный живой человек. И вы еще приползете ко мне, все вы. Будете просить.

Он вдруг понял, что ему тяжело говорить, и медленно осел на постель.

— Что со мной? — спросил с трудом. — Что... со мной?

Эмма печально смотрела на него:

— Да, ты не зависишь от завода. Но и ты, и все вы, нормальные, или, как ты их называешь, живые люди, не знаете кое-чего о себе. Как мы не знаем о своих ключиках. Вы живете на батарейках. Их, конечно, хватает на гораздо больший срок, чем нашего завода. Только вот какое дело: батарейку не подзарядишь.

Эрику потребовалась, казалось, вечность, чтобы произнести всего одно слово:

— Почему?

Эмма поднялась с кровати. Глянула с сожалением:

— Потому, что кончилась энергия, которая питала твою батарейку. — И направилась к двери.

Эрик тщетно пытался спросить, что же это была за энергия. Силы покидали его. И Эмма тоже.

Что-то сверкнуло в лучах восходящего солнца. Из последних сил он повернул голову, совсем немного. Но этого оказалось достаточно, чтобы краем глаза угледеть зажатую в кулачке Эммы цепочку, на которой качался крохотный ключик. Вперед-назад, вперед-назад, вперед...

